

ОБРАЗ СВЯЩЕННИКА В РОМАНЕ ГРЭМА ГРИНА «СИЛА И СЛАВА»

Священник Иван Алексеевич Пеньков

магистрант кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
limon203314@yandex.ru

Для цитирования: Пеньков И., *свящ.* Образ священника в романе Грэма Грина «Сила и слава» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10) С. 79–87. DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.006

Аннотация

УДК 82.091 (271.2-726.3)

Данная статья представляет собой исследование романа Грэма Грина «Сила и слава» на предмет особенностей литературного изображения содержащегося в тексте образа священника. Избранный автором исторический контекст романа позволяет очень остро раскрыть суть противоречий между принципами религиозной и светской (материалистической) идеологий. При этом демонстрируется процесс динамического развития личности, оказавшейся в перипетиях жизненных условий. Кроме того, в комплексном образе священника (составленном из литературных героев, отождествляемых с пасторами) прослеживается определенное тяготение к самоанализу, акцентированное на противоречиях между собственным призванием и личными наклонностями, военным положением и Евангельским учением, желаниями и обязанностями. Таким образом автор достигает полноты раскрытия художественных образов личностей посредством не самых привычных методов. Он разделяет кардинально разных персонажей, которые в своей совокупности демонстрируют полноту красок, отражающую внутренние борения и переживания, приводящие главного героя к гибели, которая, однако, является лишь очередным этапом действия высшего служения, носителем которого является священник.

Ключевые слова: Грэм Грин, британская литература, священник, революция в Мексике, идеологическое противостояние, литературные образы.

The Image of a Priest in Graham Greene's Novel «The Power and the Glory»

Priest Ivan Alekseevich Penkov

Graduate student of the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Limon203314@yandex.ru

For citation: Penkov, Ivan, priest. "The Image of a Priest in Graham Greene's Novel 'The Power and the Glory'". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (10), 2024, pp. 79–87 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.006

Abstract. This article is a study of Graham Greene's novel «The Power and the Glory» for ways of literary depiction of the image of a priest contained in the text. The historical context which was chosen by the author makes to very acutely reveal the essence of the contradictions between the principles of religious and secular, materialistic ideologies, while demonstrating the process of dynamic development of an individual, who finds himself in the vicissitudes of fate. In addition, in the complex image of the priest (composed of literary characters identified with pastors), a certain direction of introspection can be traced, focusing on the contradictions between one's own calling and personal inclinations, military situation and the Gospel teaching, desires and responsibilities. Thusly the author reaches the climax of revealing the character through not the most conventional methods: separating several radically different characters, which in their totality fullness of qualities, reflecting the internal struggles and experiences that lead the main character to death, which, however, is only the next stage in the development of higher service, the executor of which is the priest.

Keywords: Graham Greene, British literature, priest, revolution in Mexico, ideological confrontation, literary images.

Написанный в 1940 году роман Генри Грэма Грина посвящен событиям постреволюционной (1920 годы) Мексики, когда в стране началось восстание кристэрос (священников и сторонников сохранения деятельности Церкви в стране). Причиной тому послужило стремление властей ограничить влияние Римо-Католической Церкви посредством введения ограничений коммунистического толка «на отправление религиозного культа». В начавшихся военных столкновениях обострилась борьба политических, религиозных и экономических интересов, а затяжной культурный кризис привел к беспрерывно тлеющей напряженной гражданской войне. В конце концов длившееся без малого тридцать лет противостояние формально завершилось Революцией 1917 года, в результате которой всякая религиозная деятельность была запрещена, а духовенство оказалось преследуемо. Согласно свидетельствам историков, к 1935 году большинство мексиканских штатов не имели в своих пределах ни одного действующего священника, а на пятнадцать миллионов населения приходилось три сотни клириков, формально не совершавших служение¹.

Описывая эти беспокойные времена, писатель вводит несколько различных образов литературных героев, каждый из которых демонстрирует разные проявления священнического служения в поставленных условиях. Таким образом Г. Грин достигает более качественного эффекта погружения читателей в контекст происходящего, не слишком вдаваясь в описание сторонних подробностей — следуя своему стилю журналиста², автор четкими фразами повествует о настоящих событиях (протекающих непосредственно во времени действия персонажей). Исключениями представляются дополняющие предысторию фрагменты воспоминаний, вкладываемые в уста героев в стиле их рассуждений или анализа произошедшего. Разделенный, по сути, на четыре компонента, образ священника в романе представлен следующими персонами.

Первый — отец Хосе (в оригинале имя приводится как Jose, однако так как Мексика долгое время была под властью испанцев, местными жителями употребляется именно испаноязычная форма чтения — [xo' se] вместо привычного романского [zi' ze]), который пошел на сделку с властями, оказался от сана, женился и теперь является живым примером торжества антирелигиозной кампании. Его судьба незавидна — он каждый

- 1 Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy: A History of the Mexican People*. — New York: W. W. Norton & Company, 1993. P. 393.
- 2 Sherry N. *The Life Of Graham Greene Volume 1: 1904–1939*. New York, NY.: Viking, 1989. P. 314.

день испытывает муки несовершенства своей опустевшей жизни и терпит издевательства от местной детворы, вынужденно смиряется с супружеской жизнью и тяготится отказом от служения. Однако, несмотря на это, даже оказавшись перед возможностью исполнить призыв исповедать приговоренного к казни другого священника, он отказывается, полностью отдаваясь страху за жизнь, предпочитая влачить дальнейшее существование, лишь бы избежать мучений для тела.

Второй — священник без имени, скрывающийся от преследований и тайно служащий мессы для местных верующих. Он совершает Таинства и службы так, как может — в условиях ограниченных веществ для отправления богослужений и собственной запущенности. Так, в романе неоднократно приводятся примеры, когда он выторговывает у старост деревень деньги и виски за возможность принять исповедь и отслужить мессу. Немало деталей встречается в текстах, передающих отзывы о священнике от крестьян — косвенных свидетельств о том, как будучи в нетрезвом состоянии он ошибался в исполнении обряда — доходя даже до ошибки в указании на пол крещаемого ребенка!

Кроме того, помимо необходимости выживания в смертельно опасных условиях и утопани в грехах, падре испытывает муки совести о всех своих несовершенствах и падениях (за исключением, пожалуй, лишь греха блуда, который положил начало жизни его дочери (которую он безумно любит), с которой, однако, сопряжено немало сложных моральных аспектов внутреннего облика героя), однако не находит в себе сил преодолеть закоренелые привычки вплоть до самой смерти. Несмотря на то, что у него есть возможность бежать за границу, он регулярно упускает свой шанс, каждый раз уступая воле судьбы (а не Божьему велению, как можно было бы ожидать от пастора), отвлекаясь на необходимость исповедать или причастить умирающего в разных местах страны. В конце концов эти кажущиеся на первый взгляд непоследовательность и доверчивость приводят безымянного падре в ловушку полиции. Как раз здесь развевается представление о несостоятельности данного героя — он в полной мере осознает, что, отправляясь причастить умирающего бандита, направляется напрямик в засаду, однако влекущая сила служения Богу одерживает в нём верх.

Третий — героический и блистательный образ мученика из рассказа, который читает мать своим детям в параллельной сюжетной ветке, связывающей предысторию лейтенанта полиции и падре. Этот персонаж явлен в виде избыточно идеализированного и отстраненного от реального мира архетипа святого, который как будто бы лишен

всех переживаний, но самоотверженно посвящает всего себя Богу, из-за чего и претерпевает мучения и в итоге получает венец святости. Будучи самым точно соответствующим «канону» праведности, на деле он вызывает меньше всего сопереживания — так как даже сами дети, для которых читается данное поучительное житие, не верят в истинность описываемого.

Наконец последней фигурой, связанной с образом священника, является таинственный незнакомец, который появляется в самом конце романа и представляется новым падре — как бы знаменуя собой продолжение религиозной жизни в угасающем крае. Его анализ затруднен в связи с самим конструктом данного персонажа — он не прописан как действующее лицо, но является символом возрождения веры.

На первый взгляд, кажется, будто бы Грэм Грин употребляет классический пример антитетического представления персонажей — если падре Хосе противопоставлен *whiski-padre*³, то, очевидно, что именно второй является положительным героем, так как до последнего совершает своё служение. С другой стороны, внимательно анализируя повествования об этих двух фигурах, нетрудно заметить, что оба они находятся на большом удалении от идеала католического пастора, соответствующего хотя бы базовым требованиям, не говоря уже о примере мученика из рассказа⁴. Хосе ежедневно страдает от мук совести и издевательств от местных жителей, однако уже не находит в себе сил проявлять эмоции — у него нет даже закономерного раздражения на смеющихся детей. В то же время безымянный падре также рефлексиирует о своих решениях и проступках, корит себя за несовершенства и пороки, но все равно не может до конца преодолеть годами укоренявшиеся наклонности.

В этой связи явным (то есть проявляющемуся в живых действующих лицах — Хосе и изгнаннику) совокупному образу пастора противопоставляется образ гонителя духовенства — лейтенанта местной полиции, который горит желанием привести свою страну к лучшему будущему, через преодоление «ретроградных и бесчеловечных» религиозных догм. Для него слова священников о грядущих благах в посмертном бытии ничего не значат, так как он полагается исключительно на материалистический опыт, предпочитая улучшать жизнь здесь

3 «Пьющий падре» в русском переводе / цит. По: Грин Г. Сила и слава [пер. с англ. Н. Волжиной] //Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1993.

4 Любимова Е. А. Изображенная внутренняя речь священнослужителя в структуре романа Грэма Грина «Сила и слава» («the Power and the Glory») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 123.

и сейчас, посредством труда и развития, а не только лишь на проповедях и молитвах⁵.

Таким образом три действующих персонажа и карикатурное изображение мученика представляют собой своеобразную систему отношений идеалов, в которой все оказываются не в полной мере безупречными. Это связано с выбранным автором принципом построения литературной картины — при изложении сюжета почти полностью отсутствует предыстория персонажей, за исключением их собственных воспоминаний и рефлекслируемых событий. Кроме того, именно такому восприятию способствует стремительное развитие сюжета, которое разрывает ткань размеренного повествования и живописует яркие перемены в жизнях героев⁶.

На самом деле в романе тезисно рассматриваются живые образы, проявления отношения личности окружающим условиям — с такой точки зрения и лейтенант, и оба пастора противопоставляются образу мученика. Однако принципиальная разница между фигурами священников проложена несколько глубже, нежели может показаться на первый взгляд.

В случае рассмотрения исключительно фигур клириков необходимо четко зафиксировать отраженные в романе критерии осознания вины и деятельного раскаяния — для Хосе ежедневные муки бытия остаются неизменными спутниками новой, безблагодатной жизни, в то время как безымянный священник подвергает их анализу, который, пусть и протекает крайне медленно (в сравнении со временем скитаний), однако в конце концов приводит его к подлинной перемене ума (ср. *μετάνοια* — покаяние).

Картина развития персонажей (безымянного священника и лейтенанта) в данном случае образуют наглядную иллюстрацию евангельских слов Спасителя: *«не вы Меня избрали, но Я вас»* (Ин. 15, 16), так как они оба не в полной мере осознают присутствие в своей жизни

5 Гладкова Т. Н. Конфликт религиозного и светского мировоззрения в романах Грэма Грина «Сила и слава» и «Монсеньор Кихот» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 1. С. 149.

6 Юдичи И. С. Символика образов священников-антиподов в романе Грэма Грина «Сила и слава» // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 27 октября 2022 года / Белорусский государственный университет, факультет международных отношений. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 190.

Бога, посвящая больше времени рефлексии и практическому анализу — даже и священник, несмотря на род своей деятельности, воспроизводит мысль о том, что его каждый раз отвлекает от бегства именно рок, а не воля Бога.

При этом, будучи связанными в закручивающейся канве сюжета, фигуры лейтенанта и пьющего падре претерпевают изменения после взаимодействий: на примере их обоих становится видно, что действие и проявление любви к людям сопряжено с самоотверженностью — будучи изгнанником, падре становится как бы стёртым перед лицом своего служения, безличным исполнителем Таинств, отстраненным от личности грешника, давно не носящего сутану. При этом целевой антагонист, лейтенант, представлен в формации стремящегося к любви, но неспособного достичь оной — так как избранные им методы слишком эгоистичны и жестоки, они игнорируют личности всех людей, кроме его собственной. Борясь против идеи, он губит души и отнимает жизни — приходя к абсурдной идее будущего идеального мира, достичь которого можно истребив инакомыслящих и поставив во главу угла материальное благо.

При этом, несмотря на прозрение, раны, нанесенные долгими духовными мучениями, а также общая угнетенность не дают падре в полной мере следовать высокому христианскому богословию — будучи свидетелем самых низших проявлений жизни, он приходит к пониманию определенной неоднозначности интерпретаций событий, напрямую противореча косной догматичности некоторых второ — и третьестепенных героев (например, брата и сестры протестантов, а также узников в тюрьме).

Таинственная фигура нового пастора — поставленный вопрос о разрешении нравственной коллизии — истинные священники бежали или отреклись, погибли или стали грешниками (*whiski-padre*), и в этой деградации явственно проявилась сила христианства: однако вместе с тем присутствует наглядное и непреодолимое противоречие теоретических форм и практического их исполнения.

Данная аналогия не нова для литературы, связанной с религиозной и философской тематикой — обращаясь к интерпретации Шестоднева, можно заметить, что исполнение землей Слова Господа (Быт. 1, 11–12) не совпадает с изначальным повелением: данное расхождение считывается явно только в Масоретском тексте — *«да произрастит земля... дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле»* (Быт. 1, 11) и *«произвела земля...дерево [плодовитое],*

приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]» (Быт. 1, 12). То есть, по изначальному замыслу Творца дерево должно быть таким же, как его плод — однако из земли происходит дерево, которое производит плод отличный от самого себя по структуре.

С точки зрения толкователей именно отсюда начинается в бытии глобальное несоответствие природы материального Божественному — и в ярчайшем своем проявлении это просматривается на примере образов пастырей из означенного романа.

Подводя итог, необходимо подвести логическую черту, которую прокладывает сам Грэм Грин — не давая прямого ответа, на кого из персонажей необходимо равняться, он вкладывает в уста безымянного падре *авторскую* интерпретацию слов молитвы Господней: «легко отдать жизнь за доброе, за прекрасное <...> но нужно быть Богом, чтобы умереть за равнодушных, за безнравственных»⁷.

Таким образом, фигуры священников в романе «Сила и Слава» являются многогранными и таинственными, их не удастся познать целиком и трудно уловить степень их родства нам, как живым людям. Однако мастерством писателя перемены, которые происходят с ними по ходу романа демонстрируют, что для всех живущих людей открыты возможности к истинному покаянию. В то же время остаются в незавершенном виде образы идеального служителя Церкви — несмотря на всю греховность безымянного падре, совершаемые им Таинства были действительными и действенными, однако едва ли можно сказать, что его служение является примером для подражания. Также читателю неизвестна дальнейшая участь лейтенанта, в котором после казни последнего священника как бы угас огонь, направлявший его к действию. Кроме того, остаются незавершенными истории Хосе, нового падре и мальчика, радикально меняющего свои убеждения к концу романа.

Иными словами, образы священников в данном случае раскрывают не столько концепт жизни и служения священников, сколько всепокрывающую любовь Бога к Своим творениям, далеко не всегда идеально исполняющих заповеди, но всё же искренне стремящихся к Богу.

Источники

Грин Г. Сила и слава [пер. с англ. Н. Волжиной] // Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1993.

7 Грин Г. 4, II, 95 // Сила и слава [пер. с англ. Н. Волжиной]. С. 95.

- Graham Greene. The Power and The Glory. Text, background, and criticism.* Edited by R. W. B. Lewis and Peter J. Conn. New York: The Viking Press, 1970.
- Ruiz R. E. Triumphs and Tragedy: A History of the Mexican People.* — New York: W. W. Norton & Company, 1993.
- Sherry N. The Life Of Graham Greene Volume 1: 1904–1939.* New York, NY.: Viking, 1989.

Литература

- Гладкова Т. Н.* Конфликт религиозного и светского мировоззрения в романах Грэма Грина «Сила и слава» и «Монсеньор Кихот» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 1. С. 141–151.
- Любимова Е. А.* Изображенная внутренняя речь священнослужителя в структуре романа Грэма Грина «Сила и слава» («the Power and the Glory») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 451–459.
- Юдчиц И. С.* Символика образов священников-антиподов в романе Грэма Грина «Сила и слава» // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 27 октября 2022 года / Белорусский государственный университет, факультет международных отношений. Минск: Белорусский государственный университет, 2022. С. 188–192.